

Д. Г. Трунов

ТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕФЛЕКСИИ

В статье анализируются некоторые метафоры, лежащие в основе описания рефлексивных процессов, в частности метафоры поворота, луча и пр. Описываются преимущества и недостатки этих метафор как эвристического инструмента исследования рефлексии. В качестве альтернативной, более адекватной рефлексивному опыту, предлагается метафора рамки.

Ключевые слова: рефлексия, метафорическая репрезентация, внутренний опыт, самопознающий субъект.

Ниже предпринята попытка провести тропологический анализ понятия 'рефлексия', то есть критически рассмотреть *метафоры*, с помощью которых обычно описывается рефлексивная активность. Необходимость в таком анализе возникает в связи с тем, что понятие рефлексии активно используется в философском, психологическом, психотерапевтическом и пр. дискурсах, однако далеко не всегда использующий это понятие исследователь осознает роль тех оборотов речи, которыми описываются рефлексивные процессы и которые создают «имплицитные» представления о рефлексии. На основе этих «естественных» представлений делаются выводы об особенностях и свойствах рефлексивных процессов, что само по себе не является исследовательским грехом в том случае, если исследователем осознается метафоричность этих представлений, а значит и *эвристические проблемы*, возникающие в связи с метафорическим описанием.

Начнем с метафоры рефлексии, заложенной в самом названии, – с метафоры поворота, обращения назад. Эта метафора наглядно показывает, что в рефлексии радикально меняется объект познания (теперь это сам субъект), что субъект и объект принципиально разделены и находятся на разных полюсах процесса познания. Пожалуй, это единственное достоинство этой метафоры. Однако такое понимание рефлексии одновременно упрощает и усложняет дело. Казалось бы, все просто: «взгляд субъекта направлен на самого себя», но возникают вопросы, которые вытекают из логики пространственной метафоры: что это за субъект, который смотрит на меня? или: что это за субъект, на которого смотрю я? Недостатком этой метафоры является также ее несогласованность с непосредственным

опытом: во время рефлексии нет никакого поворота ни в пространственном, ни – тем более – во временном аспекте. Мое бытие всегда направлено «вперед» («продуктивно»), даже в рефлексивном познании.

Другая метафора рефлексии развивает метафору поворота: обычно сознание (в том числе рефлексивное) представляют – эксплицитно или имплицитно – в виде «луча»¹. Например, Гуссерль пишет: «Луч этого взгляда заново возникает с каждым новым *cogito* и исчезает вместе с ним»². Если позволить себе немного увлечься этой геометрической метафорой, то продуктивное «Я» можно представить как движение вдоль «луча» от центра – «источника Я»; тогда рефлексивное «Я» представится как переход в перпендикулярное измерение, то есть в позицию, которая позволяет увидеть то измерение, в котором проходит «луч» продуктивного «Я». Если продуктивное «Я» просто существует, то есть находится *внутри* некоего одномерного, линейного измерения, то рефлексия – это выход за пределы этого измерения, «поворот» того же (или появление другого?) «луча» и обретение возможности *зримо* его представить, например, в виде «потока переживаний», «цепочки» ощущений или состояний, «последовательности» действий, «череды» поступков.

Так, продуктивное «Я» может представляться рефлексивному «Я» в виде «луча-потока», на одном – проксимальном – полюсе которого оно «успевает» заметить нечто вроде импульса, который, «реализуясь», преобразуется, например, через те или иные мышечные усилия, в какое-то действие, составляющее дистальный полюс этого «луча-потока». Вспоминая («откручивая назад»), мы можем отметить, что проксимальный импульс был реакцией на нечто в окружающем мире, не-

что в своем организме, нечто в своем сознании, хотя в каких-то случаях мы не сможем понять природу (причину) этого импульса, поскольку она относится к чему-то недоступному для рефлексии, трансцендентально-нерефлектируемому.

Рефлексия, таким образом, направлена скорее не на субъект, а на *процесс* самобытия («движение от проксимального к дистальному полюсу луча»). Благодаря такой рефлексии я могу проецировать в область своего сознания такие понятия протяженного мира, как, например, «причина» и «следствие». Данная метафора («луча-потока») наглядно демонстрирует *ретроспективную, историческую* рефлексию, но исключает текущую. Последняя будет выглядеть как бесконечная и безуспешная попытка луча «изогнуться» на самое себя, постепенно закручиваясь в форме спирали.

По аналогии с продуктивным «Я» мы можем предположить, что таким же образом построено рефлексивное «Я» (как частый случай первого): есть «начало» луча и его «продолжение» – импульс, который преобразуется в действие, в данном случае состоящее в самосозерцании, самооценке, самоконтроле, самопознании и пр. Побуждение к рефлексивному действию, инициация рефлексивного «луча» возникает как внутри сознания – по моей воле – так и вне его, например, когда кто-то со стороны побуждает меня к рефлексии: «Посмотри, что ты сделал!», «О чем вы подумали в этот момент?» Результатом деятельности рефлексивного «Я» чаще всего являются те или иные суждения о себе, хотя рефлексивное действие не всегда артикулируется. Но в любом случае деятельность рефлексивного «Я» всегда разворачивается на территории внутреннего (имманентного) опыта, что не исключает косвенного влияния рефлексивного «Я» на внешне наблюдаемое поведение. Например, ситуация самоконтроля начинается с рефлексивной оценки действий продуктивного «Я» и, в случае негативной оценки этой деятельности, заканчивается прекращением этой деятельности.

Для примера возьмем еще одну мало-распространенную метафору, которую описывает В. Франкл. Он сравнивает познающее «Я» с амебой, которая вытягивает свои псевдоподии к объектам, – таков первичный психический акт, направленный на познание объекта. Рефлексивный акт Франкл называет «вторичным» и представляет его в виде еще

одной, особой псевдоподии, которая «поворачивается» к первой³. Эта метафора в чем-то сравнима с предыдущими, но в то же время устраняет некоторые их недостатки: здесь нет никаких «поворотов», субъект здесь всегда «продуктивен» и одновременно доступен самому себе, наконец, здесь есть возможность текущей рефлексии, сопровождающей продуктивное действие. Мы видим, что амeboподобному существу прекрасно удастся совмещать продуктивность и рефлексивность. Хотя, конечно, это не доказывает такую возможность у человеческого существа.

Единственным недостатком – но не «ошибкой» – данной метафоры, пожалуй, можно назвать то, что мы видим эту «познающую себя амebu» со стороны⁴, в то время как нам требуется феноменологическое описание рефлексии, данное *изнутри* рефлектирующего субъекта. Следуя этой метафоре, нужно представить, какой эйдетический результат получится наша метафорическая амeba в результате такого многопланового обследования. Предположим два варианта. В первом случае сознание амeбы переключается с одной псевдоподии на другую, что исключает *непрерывный* «мониторинг» собственной деятельности; единственное, на что она способна, – это выработать навык быстрого переключения, что даст ей возможность осуществлять *почти* одновременное постижение объекта и собственного бытия. Во втором случае амeba одновременно получает информацию с обеих (трех, четырех и более) псевдоподий и укладывает ее в единую картину, где есть место и для объекта, и для субъекта.

Существует ли альтернативное метафорическое описание того, что происходит во время рефлексии «внутри» субъекта, наглядно показывающее, каким образом для него представлено его собственное рефлексивное постижение?

Поскольку рефлексия есть сознание себя в качестве *актора*, значит *рефлектирующее* сознание, для того чтобы быть таковым, всегда должно иметь элемент *самоприсутствия*. В сущности, акт рефлексии – это и есть такая «добавка»: включение в сознание вещи в качестве особого горизонта *себя самого* как источника, участника и свидетеля своего же сознания вещи. Рефлексивное действие с этой точки зрения не является чем-то *противонаправленным* продуктивному действию. Рефлексивность может *сопровождать* про-

дуктивность в качестве «горизонта», «ореола», до некоторой степени вовсе не мешая продуктивному действию и не прерывая его, выступая как нейтральное «сознание себя действующим». Это можно сравнить с *рамкой*, в которой я усматриваю свое продуктивное действие. «Рамка самобытия» – это альтернативная метафора рефлексии. Рефлексивное «Я» создает кадр, в который попадает деятельность продуктивного «Я», определенным образом модифицированная. Можно сказать, что продуктивное действие или сознание, направленное на мир, получает в рефлексии своеобразный «индекс»: «Я сознаю...», «Я делаю...» и пр. Сравнение с кадром или рамкой для картины не случайно. Рефлексия – это создание некой картины о себе. Материалом для этой картины становятся «первичные», «первозданные» переживания, которые в «рефлексивном обрамлении» преобразуются в картину «Я переживаю то-то и то-то».

У метафоры рамки есть ряд преимуществ. Во-первых, метафора рамки прекрасно согласуется с понятием 'потенциальное восприятие', для описания которого Гуссерль использует такие слова, как ореол, горизонт, фон, поэтому можно говорить о рефлексивном ореоле, о рефлексивном горизонте, о фоновой рефлексии. Рефлексия – это то, что сопровождает мое любое (?) переживание или действие, то, что всегда присутствует при нем, как его горизонт или ореол. Другими словами, метафора рамки не исключает, а, напротив, предполагает возможность «текущей рефлексии». Во-вторых, метафора рамки не противопоставляет рефлексивное переживание продуктивному. На это также указывает Гуссерль, когда пишет, что единство рефлексивного переживания как *имманентного* переживания определяется тем, что «переживание может соединяться в целое *лишь* с переживаниями, а совокупная сущность такого целого обнимает собственные сущности этих переживаний и фундируется в них»⁵. Рефлексивное переживание – это имманентное переживание, «*обнимающее*» единосущностное с ним продуктивное переживание.

В-третьих, метафора рамки не теряет из виду ни субъекта, ни объекта, они оба здесь – в рефлексивном постижении. При этом можно свободно переходить от рассматривания объекта в горизонте субъекта к рассматриванию субъекта (самого себя) по отношению к объекту. Точно так же, как можно удерживать

во взгляде одновременно и рамку, и картину, в рефлексивном взгляде можно удерживать и себя, и объект. Такой *перевод* взгляда отличается от «*переключения*», эксплицированного из метафоры амебы, во время которого субъект прекращает один акт и начинает другой. Метафора рамки позволяет понять, почему во время рефлексии наши чувства все-таки *могут* удерживаться, а не «испаряются», не «тают» и не «отключаются». Они все время здесь – либо в актуальном, либо в потенциальном поле восприятия. Если бы все наши чувства быстро испарялись благодаря простому «переключению», то у человека не было бы проблем с «саморегуляцией»; гнев, боль, страх, обида, тоска, ревность – все чувства, которые так тяготят человека, устранялись бы с помощью рефлексивного «поворота взгляда». Однако феноменологический опыт показывает, что даже когда я осознаю себя боящимся, то страх мой от этого вовсе не проходит, к нему лишь добавляется местоимение «Я». Скорее можно представить обратную ситуацию: я могу не осознавать свой страх, «вытеснять» его и потому его не испытывать, но когда я обращаю на него внимание, то тогда лишь почувствую его⁶.

Подводя итоги нашему анализу, обратим внимание, что некоторые «гносеологические ограничения», которые обычно приписываются рефлексии, как то «невозможность» наблюдения за своим текущим состоянием, «искривление» внутреннего опыта в рефлексивном зоре и пр.⁷, на самом деле являются проекциями эвристических ограничений *метафор*, репрезентирующих понятие рефлексии. Рефлексия – как *идеальный* процесс – не может быть нам дан в предметной форме, но он может быть репрезентирован в форме метафорической предметности. Метафорическая форма описания рефлексивных процессов высвечивает некоторые его особенности и скрывает другие. Осознавание исследователем данных эвристических ограничений позволяет не только *критически* относиться к имплицитным представлениям о рефлексии, но также создавать *новые* метафорические описания, более адекватные интуитивному переживанию рефлексивного опыта.

Примечания

¹ Популярная в философии метафора луча пришла из сферы зрительного восприятия.

В результате увлечения этой метафорой мы сталкиваемся с распространением опыта зрительного восприятия на все остальное восприятие. В то же время стоит признать, что телесное восприятие (в котором выражен темпоральный компонент) едва ли адекватно описывается образом луча. Здесь больше подойдет метафора волны или пятна, которое разливается по поверхности.

² Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Дом интеллектуал. кн., 1999. Т. 1. С. 126.

³ Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб. : Речь, 2000. С. 71.

⁴ Этот недостаток присущ всем вышеупомянутым метафорам рефлексии.

⁵ Гуссерль, Э. Указ. соч. С. 85.

⁶ В качестве иллюстрации: «Я шел по пустынной неогороженной дороге, пересекавшей Вустерскую пустошь, и пытался прогнать дурные предчувствия, анализируя их. Чего, в конце концов, я боюсь? Едва я задал себе этот вопрос, я пожалел о нем. Меня поразило слово “боюсь”. До сих пор я хотел убедить себя, что речь идет о неприязни, неловкости, на худой конец — скуке. Но вот я произнес слово “боюсь” и ощутил страх» (Льюис, К. С. За пределами безмолвной планеты. Переландра. М. : ЛШ : Вече : Книж. обозрение, 1993. С. 166).

⁷ О невозможности совместить продуктивный и рефлексивный акты см., например: Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарика, 1998. С. 94.